

Н. Кондаков

**Русские древности в
памятниках искусства**

**Выпуск 6. Памятники
Владимира, Новгорода и Пскова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Кондаков**
Русские древности в памятниках искусства: Выпуск 6. Памятники Владимира,
Новгорода и Пскова / Н. Кондаков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 196 с.

ISBN 978-5-458-02333-7

ISBN 978-5-458-02333-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

спасти» — говорит типичный Новгородский удалец и ушкуйник Васья Буслаевъ. Уже въ XII стол., вмѣстѣ съ ростомъ торговли, приливомъ всякихъ хищниковъ, жизнь въ Новгородѣ стала тревожною: схватки, рѣзня, разбой своихъ и враговъ отягчали населеніе, но всего тяжелѣе было богатымъ купцамъ; такъ, разграблены были въ 1209 году Мирошкины: «сокровища ихъ изыскаша и помаша бещисла, а избытокъ роздѣлиша по зубу, по три гривнѣ по всему городу и на шить». То же запомнили и былины, поюція о Буслаевѣ,

4. Денга (сер.)
Мих. Бор. Тверскаго.

Садкѣ богатомъ гостѣ (Садко Сытиничъ упоминается въ лѣтописи подъ 1167 г., когда заложилъ церковь Бориса и Глѣба), Ставрѣ Годиновичѣ, Кіевскомъ заложникѣ. Лѣтопись подъ 1118 годомъ сообщаетъ: «приведе Володимиръ съ Мстиславомъ вся бояры Новгородскыя Кыеву и заводи я къ честиному хресту, и пусти я домовъ, а иныя у себе остави; и разгнѣвася на ты, оже то грабиша Даньслава и Ноздрѣчу, на сочскаго на Ставра и затоци я вся». Тяжело было жить и по условіямъ мѣста: при полномъ бездорожьи, внутри запертыхъ границъ и подъ страхомъ нашествій, Новгородская область бѣдствовала, въ случаяхъ частаго недорода, отъ страшныхъ голодоловокъ. Такова была голодовка 1128 года: «ядяху люди листъ липовъ, кору березову, инии молицъ истгѣлкше мятуце съ пельми и съ соломоу; инии ушь, мохъ, конину; и тако другимъ падъшимъ отъ глада, трупие по улицямъ и по тѣргу».... «отецъ и мати чадо свое всѣсажаше въ лодю, даромъ гостымъ, ово ихъ измѣроша, а друзии разидошася по чужимъ землямъ. И тако по грѣхомъ нашимъ погиге земля наша».

5. Пуль (мѣд.)
Ивана Ивановича Тверскаго
(1485—9с).

Во всякомъ случаѣ, Новгородская область также, и притомъ издревле, ранѣе Суздалья участвовала въ созданіи основъ русскаго искусства, которая заложены именно въ столѣтіе между 1150 и 1240 годами, въ періодъ образованія европейскихъ національныхъ стилей и пошибовъ, но самый городъ, видимо, всегда былъ болѣе *передаточнымъ* пунктомъ, большою европейскою факторіею, гдѣ сосредоточивались представители торговыхъ фирмъ и большіе капиталы, но гдѣ культура была позади торговаго движенія. И потому хотя Новгородъ былъ пощаженъ нашествіемъ, но мало сохранилъ культурнаго наслѣдія, которое для періода XI — XIII вѣковъ должно еще быть открыто въ разныхъ углахъ области и въ нѣдрахъ земли, гдѣ оно уцѣлѣло отъ огня и разрушенія.

6. Денга Ив. Бори-
совича Капинскаго
(1412 г.).

Изъ исторіи начального періода русской земли, отъ IX—XI столѣтій, мы видѣли необыкновенное многообразіе и сложность ея культурныхъ явленій. Русское искусство имѣетъ не только оригинальный художественный типъ, но и составляетъ крупное историческое явленіе, сложившееся работою великорусскаго племени при содѣйствіи ряда иноплемennыхъ и восточныхъ народностей, вызванныхъ этимъ племенемъ къ государственной жизни и художественной дѣятельности. Русское искусство является послѣдствіемъ вѣковой работы и сотрудничества многихъ силъ, но именно потому оно и владѣетъ самобытностью и представляетъ цѣльный типъ,

и его декоративныя начала, подобно другимъ европейскимъ художественнымъ силамъ, способны къ исторической разработкѣ и могутъ служить основаніемъ будущей художественной жизни.

Исторія художественной формы въ древне-русскомъ искусствѣ доселѣ какъ бы забывалась и наукою и практикою, которая охотно пользовалась самими формами, какъ готовымъ матеріаломъ. Обильное содержаніе древнерусскаго искусства привлекало вниманіе къ иконописи и миниатюрѣ, а самая важность сюжетовъ, подчерпнутыхъ изъ христіанской религіи, сосредоточивало занятія на иконографіи, тогда какъ художественная форма, любопытная во многихъ памятникахъ, очутилась, видимо, на второмъ мѣстѣ. Къ

7. Тверской пулъ XV в.

тому-же восточная иконографія установила полную историческую преемственность русскаго искусства отъ византійскаго и этого послѣдняго отъ древне-христіанскаго. Между тѣмъ, передача отъ предшественника къ преемнику совершается тоже по своимъ особливымъ законамъ: одно дѣло самый историческій ходъ искусства, съ разнообразными исканіями формъ и выраженной художественной мысли, и иное дѣло художественное наслѣдіе, это накопленное вѣками содержаніе, выраженное въ формахъ, часто уцѣлѣвшихъ въ видѣ декоративныхъ подробностей и получившихъ новый смыслъ.

Но черезъ это обобщеніе русскаго и византійскаго искусства возникла обширная область археологіи восточно-христіанскаго искусства, а русская иконопись являлась законнымъ наслѣдникомъ старины и истолкователемъ основныхъ ея преданій, что само по себѣ давало залогъ живаго движенія впередъ, основаннаго на связи съ прошлымъ и на его пониманіи.

8. Пулъ Тверской XV в.

Правда, издавна существовало на практикѣ иное отношеніе къ русской древности, выработанное непосредственнымъ изученіемъ художественныхъ памятниковъ. Съ этой точки зрѣнія, исторія искусства должна идти впереди археологіи искусства; памятники должны быть распредѣлены въ ихъ историческомъ развитіи, прежде чѣмъ можно будетъ пользоваться ихъ внутреннимъ содержаніемъ. Но и тутъ печальная бѣдность памятниками кievскаго и владимірскаго періода, такъ легко объясняемая татарскимъ разгромомъ, явилась помѣхою, ставши причиною появленія поспѣшныхъ и преждевременныхъ заключеній о бѣдности, маловажности, и неоригинальности художественной жизни въ древнѣйшей Руси.

9. Деньга Сем. Влад., кн. Боровск. и Серпух. (1420—26 г.).

Такимъ образомъ, при народженіи русскаго археологіи, въ ней сложилось невысокое понятіе о самомъ ея предметѣ, русскихъ древностей, и незамѣтно утвердился отрицательный взглядъ на ихъ значеніе. Сравнивая богатство художественнаго наслѣдія западныхъ странъ съ русскою стариною, видѣли ея бѣдность памятниками, недостатокъ въ ней личной дѣятельности. Этотъ взглядъ явился въ силу наскоро сдѣланныхъ обобщеній, когда самый матеріалъ ограничивался немногими собраніями и состоялъ изъ ремесленныхъ издѣлій. Въ послѣднее

время число государственных и общественных собраний превысило пятьдесят, и между ними есть музеи, по количеству предметов, соперничающие с европейскими национальными собраниями. Правда, в этом нагромождении предметов мы не находим, за исключением древнейших эпох, много художественного достоинства; вещам недостает разнообразия и изящества произведений европейской культуры и искусства. Но этот принципиальный недостаток должен быть принят нами при изучении русских памятников: как нельзя предъявлять запросов о личной истории в искусстве Индии, Китая, Японии и Персии, или мавританской Испании, так и в области русских древностей интерес заключается в народной значительности и исторической устойчивости типов.

10. Денга Владимира Андр. Храброго, кв. Серпухов. (1358—1410).

Русской древности ставили в вину (впрочем, только у нас дома), что она начала бытие свое с заимствования византийских образцов, а эти образцы, уже начиная с XI вѣка, представляли будто-бы упадок искусства, что, в свою очередь, служило объяснением низкого достоинства художественных шаблонов, обращавшихся в древней Руси. Но история искусства, научно поставленная, указывает, что искусство вообще начинает свою деятельность заимствованием, правильнее говоря — общением с высшею культурою, и потому в показных произведениях древней эпохи, мы встречаем работы чужих мастеров. Так, первая мозаика Киева выполнялась греческими мастерами, как и повсюду *въ то же время*, но на этом основании нельзя именовать всю эту эпоху искусства «византийскою» для России, Грузии, Италии и пр. Равно неверно, будто византийское искусство XI—XII вѣка представляет собою период упадка: историческая оценка признает процветание византийской культуры и искусства в X и XI вѣках. В искусстве народностей, принявших христианскую веру, византийские шаблоны были насущною необходимостью, и их выработка составляет историческую заслугу Греков.

Еще больше принижает нашу древность тот взгляд, который отрицает у русского народа самое существование художественных интересов: будто бы, в то время, как на западе уже в XII и XIII вѣках строили готические храмы, соединяя религиозное чувство с художественным одушевлением и техническими знаниями, у нас «пробавлялись, главным образом, иностранными мастерами». Так, строителями (однако, не обыкновенными) лучших храмов XII вѣка бывали у нас иностранцы, и летописец считает «чуждом», что в Ростове нашлись свои мастера. Замечание, основанное на *единичном* факте вызова иностранцев во Владимир, представляется крайним и тенденциозным обобщением: Русь была и в древности обширною страной, и устраивалась на жительство в разное время, по разному. Когда Киевская и Черниговская Русь строила каменные храмы своими силами, Суздальская область, едва только колонизованная, должна была, при Андрее Боголюбском, прибегать к вызову мастеров с далекого запада, от немцев, но уже Ростов-

11. Денга Андрея Дим. Можайскаго (1389—1432).

скій епископъ Іоаннъ нашель своихъ каменщиковъ (вѣроятно, изъ сосѣдней Болгаріи), своихъ кровельщиковъ и т. д.; наконецъ, вызовы мастеровъ для каменной кладки, особенно сводовъ, были всегда дѣломъ обычнымъ на Востокѣ

Кудость художественныхъ интересовъ думали подтвердить еще «разнородностью» вліяній въ древней Руси, отсутствіемъ національнаго такта въ украшеніи Софійскаго собора въ Новгородѣ «Корсунскими» вратами, западнаго мастерства, съ чуждыми русской жизни подробностями, съ латинскими подписями. Эти врата, будто бы, «столь-же мало обращали на себя вниманіе входившей въ нихъ толпы, какъ и прилѣпы или барельефы Дмитріевскаго и Покровскаго храмовъ во Владимірѣ, съ изображеніями странными, непонятными для Русскихъ XII вѣка и совершенно чуждыми ихъ умственнымъ и религиознымъ интересамъ». Но мы легко найдемъ ряды подобныхъ примѣровъ даже въ художественной Италіи; съ другой стороны, и Дмитріевскіе барельефы не лишены общаго смысла и цѣльнаго содержанія и не представляютъ лишь «декоративную игру» или произвольный и хаотическій наборъ всякихъ символическихъ и эмблематическихъ изображеній.

Наряду съ указанными взглядами, удерживается убѣжденіе въ примитивности русскаго народа, начавшаго будто-бы свое историческое дѣло одинокимъ, безъ всякой помощи и содѣйствія, лицомъ къ лицу съ дикою природою и грубымъ населеніемъ звѣролововъ и кочевниковъ. Ростъ нашей цивилизаціи именуется физиологическимъ, и русскій народъ, подобно любимому герою его сказокъ, будто-бы обдѣленный всякимъ наслѣдствомъ, не знавшій въ дѣтствѣ никакой школы умственнаго и общественнаго развитія, представляется росшимъ «одинокимъ на степной волѣ, какъ цвѣтъ сельный»...

Картина чрезвычайно привлекательная, но не вѣрная дѣйствительности. Славяне, переходившіе съ культурнаго запада по рѣкамъ въ глубь восточной европейской равнины, были подобны пионерамъ и на время теряли много въ бытовомъ развитіи, какъ теряетъ и теперь одинокій русскій поселенецъ среди инородцевъ. Но это положеніе длилось не долго, и широкое развитіе арабской торговли на Востокѣ Россіи обуславливалось потребностями колонизованныхъ Славянами мѣстностей: борьба съ Великою Болгаріею имѣла задачей созданіе своего Нижняго-Новгорода, а Владиміро-Суздальская область заселяется и богатѣетъ, благодаря восточной торговлѣ и собственной промышленности, которая привлекаетъ товары съ Востока и мастеровъ съ запада.

Монгольское нашествіе перерѣзало нервъ промышленности, и это главное зло татарскаго ига, страшнаго для современниковъ своими опустошеніями, ужасами рѣзни и рабскаго плѣна; въ жизни послѣдующихъ поколѣній «татарщина» явилась величайшимъ въ исторіи гнетомъ, преградивъ всякія сношенія съ культурными центрами того времени.

Эпоха второй половины XIII вѣка и весь XIV вѣкъ для Россіи, не исключая даже Новгорода, не говоря о разоренномъ Кіевѣ и заполоненномъ дикими ордами

12. Деньга Андрея Дим. Можайскаго (1389—1432).

13. Деньга Андрея Можайскаго (1389—1432).

14. Деньга Мих. Андр. Верейскаго (1454—85).

Востокъ и Югъ, представляетъ картину угнетенія народной жизни, отчаяннiя ея вождей, оскудѣнiя страны, упадка промысловъ и ремеслъ, исчезновенiя многихъ техническихъ знанiй. Но столь-же печальными являются рабскiя привычки, унаслѣдованныя съ игомъ, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ, небрежное выполнение всякихъ за-дачъ, подневольная и показная работа, недостатокъ выдержки и настойчивости.

Однако, жизнь не вовсе покинула Владимiрскiй край, и изъ того-же Суздаля, который самъ вызвалъ каменщиковъ въ XII вѣкѣ, берутъ ихъ для Новгорода въ XV вѣкѣ, такъ какъ Владимiрцы еще въ концѣ XII вѣка звались «каменщиками», какъ Новгородцы плотниками.

15. Деньга Андр. Оедор. Ростовскаго (1371—80).

Исторiя художественнаго развитiя древняго русскаго искусства представляетъ явленiе чрезвычайно сложное, а потому и полное характерныхъ подробностей. Такъ сложно напр. дѣйствовавшее въ X—XII столѣтiяхъ такъ наз. «византийское» влiяние. Киевскiя находки представили рядъ замѣчательныхъ работъ самостоятельной художественной промышленности, даже въ области столь тонкихъ техническихъ художествъ, какова напр. перегородчатая эмаль, и въ тоже время замѣчательную близость, а зачастую и тождество съ предметами художественной промышленности, добываемыми въ раскопкахъ Херсонеса, находкахъ Кавказскаго побережья,

16. Деньга Суздальская XV вѣка.

Греци и Сири. Конечно, мозаики и фрески Киевскихъ соборовъ исполнялись артелями столичныхъ византийскихъ мастеровъ, но это были исключительныя произведенiя монументальнаго искусства, тогда какъ масса обиходныхъ предметовъ принадлежала къ числу привозныхъ и мѣстныхъ издѣлiй греко-восточной промышленности, шедшей на Русь искони черезъ Крымъ, Кавказъ и по Волгѣ. Малая Азiя и Сири были главными поставщицами южной и восточной Руси въ перiодъ великокняжескiй, о чемъ нынѣ неопровержимо свидѣтельствуютъ издѣлiя изъ металла, ткани, поливная посуда и пр. Татарское завоеванiе почти закрыло эти торговые пути, оставивъ мѣсто только волжскому, и это обстоятельство играетъ важнѣйшую роль въ судьбахъ русской культуры.

Славянское племя много обязано своимъ развитiемъ инородческому населенiю, а также тѣмъ странамъ, которыя издавна открыли въ предѣлахъ Россii свои рынки, каковыми были Херсонесъ, Кафа, а также Киевъ, Смоленскъ, Великiе-Болгары, Итиль и пр. Но и русскiя издѣлiя расходились далеко изъ предѣловъ Россii уже въ концѣ XII вѣка. О томъ свидѣтельствуетъ «Опись имущества Аѳонской обители «Ксилургу» 1143 года, сохранившаяся въ актахъ Руссика или монастыря св. Пантелеймона на Аѳонской горѣ. Опись насчитываетъ рядъ драгоценныхъ евангелiй и иконъ въ дорожныхъ окладахъ, пурпуровыхъ покрововъ, парчевыхъ ризъ, мощехранильницъ изъ золота, съ драгоценными камнями, иконъ съ эмалевыми вѣнцами и пр., и среди этихъ предметовъ упоминаетъ: «епитрахиль золотой *русскiй* одинъ и два другихъ *фофудныхъ*» (парчевыхъ), ручникъ Богородицы пурпурный, *русскiй*, съ золотымъ бордюромъ, съ крестомъ, кругомъ и двумя птицами; а прочiе два руч-

17. Суздальская деньга XV в.

ника подъ пурпуръ, одинъ для подвѣшиванія, съ изображеніями и *иными древнія русскія*. Далѣе описъ высчитываетъ *русскія* книги: 3 Апостола, 2 Параклитики, 5 Октоиховъ, 3 Ирмологія, 4 Синаксаря, 1 Парамейникъ, 12 Миней, 2 Патерика, 5 Псалтырей, Житія Ефрема и Панкратія, 5 Часослововъ и 1 Номоканонъ». Что здѣсь слово *русскій* указываетъ не на одно пожертвованіе русскими князьями, доказываетъ перечень *русскихъ* книгъ и одна упомянутая *русская капа*, очевидно, изъ грубаго сукна, сдѣланнаго въ Россіи.

18. Ростовская денга
XIV в.

Столь-же любопытенъ фактъ находенія русскихъ уборовъ изъ серебра, особенно сережныхъ подвѣсокъ, пуговицъ, наборовъ типа XII—XIII вѣка въ предѣлахъ Кубанской области: очевидно, самое Тмутараканское княжество было обязано своимъ появленіемъ не прихоти удалыхъ Мстиславовъ, но существованію въ этихъ мѣстахъ русскаго населенія, русскихъ обычаевъ и торговыхъ связей съ Русью.

Ближайшее изслѣдованіе обнаруживаетъ такого-же рода факты, если обратимся къ памятникамъ монументальнымъ, притомъ слышущимъ у насъ за работу чужихъ, нѣмецкихъ мастеровъ и потому не имѣющимъ будто-бы значенія для русской археологіи: разумѣемъ замѣчательныя скульптурныя украшенія Дмитріевскаго собора во Владимірѣ и собора въ г. Юрьевѣ-Польскомъ.

По вопросу о происхожденіи этихъ скульптуръ, въ связи съ архитектурою Суздальскихъ храмовъ господствуетъ мнѣніе о *германо-романскомъ* происхожденіи этихъ прилѣповъ. Этотъ взглядъ вѣренъ лишь по столько, по сколько онъ охватываетъ *общія формы* романской архитектуры и ея скульптурныхъ украшеній не только въ Италіи, но и Германіи и въ Славянскихъ странахъ: планъ суздальскихъ церквей греко-византійской, какъ въ большинствѣ странъ придунайскихъ; композиція сводовъ, куполовъ также византійская, но расчлененіе фасадовъ, украшеніе портиками, аркадами и горельефными скульптурами относится уже къ романскимъ оригиналамъ. Нельзя, однако, останавливаться на этомъ общемъ

19. Ростовская денга
XIV в.

20. Московская денга
XIV в.

сходствѣ: существенны въ нашихъ двухъ памятникахъ ихъ различіе, особенности противъ романскихъ храмовъ Германіи. На пространствѣ отъ Галиціи по Дунаю и черезъ Венгрію до Тироля и верхней Италіи, а также черезъ Швейцарію до Южной Франціи включительно, какъ отъ восточной Помераніи до береговъ Рейна, за періодъ IX—XII вѣковъ, не находится ни одной церкви, собора, дворца или зданія, которое могло бы быть принято за образецъ двухъ Владимірскихъ церквей. Можно найти по частямъ фигуры святыхъ, животныхъ, фантастическихъ звѣрей и орнаменты, можно встрѣтить тотъ-же порядокъ украшеній, можно, наконецъ, найти много лучшихъ скульптуръ, болѣе затѣйливыхъ и характерныхъ, но нельзя встрѣтить *ничего тождественнаго*: наши два собора въ своемъ родѣ *единственные* памятники, особенно Дмитріевскій соборъ, по небывалому богатству

скульптуръ, разсыпанному на южной, западной и сѣверной сторонахъ храма. Каждая фигура, звѣрь, растеніе, эмблема, каждая сцена составляетъ отдѣльную плиту, на поверхности раздѣланную плоскимъ барельефомъ, какъ-бы срѣзаннымъ и совершенно ровнымъ. Фигуры не имѣютъ округлости, контуры насѣчены вглубь, и рука на груди фигуры оказывается врѣзанною въ грудь; при этихъ недостаткахъ сухая, мелочная рѣзба и сложная композиція указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ исполненіемъ чужаго шаблона. Типы святыхъ и всѣ религиозныя сцены въ скульптурахъ Дмитріевскаго собора, по своей грубости и даже уродливости, не имѣютъ ничего общаго съ византійскимъ искусствомъ и представляютъ, до очевидности, нѣмецкую передачу устарѣлаго римскаго оригинала; точно также всѣ маски, личины и гротески явно западнаго сочиненія. Правда, мы должны были бы перебрать всевозможныя памятники южной Германіи, Тироля, южной Франціи и сѣверной Италіи, чтобы найти нѣсколько подходящихъ образцовъ скульптуры, похожихъ фигуръ звѣрей, орнаментовъ и пр., и всетаки мы бы не знали, откуда именно принесенъ тотъ стиль, который мы разбираемъ въ двухъ соборахъ; и это по той простой причинѣ, что нигдѣ романскаго стиля скульптуръ именно въ этомъ видѣ не существуетъ, кромѣ Владиміра и Юрьева.

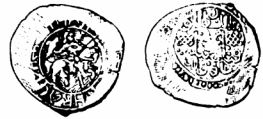
21. Деньга Дмитрія Ив. Донскаго (1362—89).

22. Деньга Вас. Дмитр. (1389—1425).

Начиная съ технической стороны, наши прилѣпы напоминаютъ собою *изразцы*, и подобные имъ, дѣйствительныя глиняныя изразцы, но безъ поливы, находимъ въ Регенсбургѣ въ ц. Св. Эммерана (одна съ фигурою двуглаваго орла, грифа); подобныя плитки заложены въ стѣны церкви въ Баденѣ XIV в., какъ старый матеріалъ, съ изображеніями львовъ и оленей. Итакъ, множество нашихъ рельефовъ происходитъ отъ прежнихъ изразцовъ, съ которыхъ сняты шаблоны и исполнены въ камнѣ. Но это происхожденіе указываетъ намъ, прежде всего, на Востокъ, которому всегда принадлежали издѣлія изъ поливной глины, а не на западъ, гдѣ эти изразцы передѣлывались.

Далѣе, по грубости рельефовъ, вложенныхъ въ стѣны, приближаются къ нашимъ порталы замка *Тироль* въ Тиролѣ, начала XII вѣка: здѣсь находимъ въ плиткахъ: кентавра, василиска, крокодила и птицу, лопящую насѣкомыхъ въ его пасти, борцовъ, львовъ, птиць по сторонамъ чаши, но все это въ Тиролѣ ограничивается десяткомъ плитъ, беспорядочно вставленныхъ въ стѣну около входа. Напротивъ того, скульптурныя украшенія церквей въ Венгріи, Каринтіи, Нижней-Австріи ограничиваются капителями, тягами аркадъ и порталовъ, и это явно художественная передѣлка древнихъ оригиналовъ конца XII вѣка и XIII столѣтія. Все это образовалось подъ вліяніемъ итальянскимъ, которое расходилось изъ Ломбардіи какъ-бы лучами въ періодъ XI—XII вѣковъ. Но и въ самой Ломбардіи, гдѣ соборы и церкви Новары, Верчелли, Павіи, Асти, Піаченцы и др. представляютъ, на первый взглядъ, много сходства съ владимір-

23. Деньга Вас. Дмитр.

скими рельефами, общій типъ украшеній иной. Мы находимъ здѣсь аркады внутри церкви, отдѣльныя плиты со Святыми, по сторонамъ оконъ, а фантастическія изображенія даны здѣсь въ художественной обработкѣ, въ искусномъ выборѣ декоративныхъ формъ, или на капителяхъ, или въ тягахъ, или въ барельефахъ фризозъ, антаблементовъ; страшила представлено въ декоративной формѣ. Художественные принципы ломбардской архитектуры отходятъ отъ этого типа, какъ и церкви придунайскихъ странъ XIV—XV столѣтій. Еще богаче и художественнѣе украшенія аркадъ и колонокъ въ Арещо, 1216 года, съ затѣйливою передѣлкою фантастическихъ формъ, или въ Корнето, 1218 года, гдѣ колонны покрыты змѣиными плетениями, или въ chiostri Рима XIII вѣка. И потому,

24. Деньга Вас. Дмитр.
(1389—1425).

25. Деньга Ив. Мих.
Тверскаго (1399—1426).

26. Деньга Ив. Мих.
Тверскаго (1399—1426).

если бы требовалось сравнивать наши соборы не для уясненія типа, но для подысканія имъ западнаго образца, съ котораго они были исполнены, то пришлось бы скорѣе указать на мѣстности Швейцаріи, гдѣ есть, по крайней мѣрѣ, церкви, стѣны которыхъ также грубо вымощены скульптурными плитами, но въ то же время признать немислимымъ связь между тѣми и другими. Въ самой Германіи романскій стиль наиболѣе славится архитектурною стороною: величавыя громады соборовъ Майнца, Вормса, Шпейера не пользуются скульптурою въ нашемъ характерѣ. Нечего говорить объ южной Франціи, гдѣ высокія формы романскаго стиля и тонкая художественная декорация арокъ и капителей не имѣтъ ничего общаго съ владимѣрскими, хотя напр. въ Перигѣ находимъ похожіе типы

27. Деньга Бор. Алекс.
Тверскаго (1426—61).

28. Деньга Мих. Борис.
Тверскаго (1461—85).

29. Деньга Бориса Алекс.
Тверскаго (1426—61).

звѣрей. Возможно, что въ древнемъ Галичѣ и Полоцкой области строились церкви, подобныя нашимъ двумъ, и что мастера, выполнявшіе рѣзбу ихъ, пришли даже изъ Галича или придунайскихъ мѣстностей, но пока не найдено образца, мы должны считать эти двѣ церкви памятниками русскаго искусства.

Характерность нашихъ памятниковъ подтверждается внутреннимъ смысломъ всей скульптурной декорации Дмитріевскаго собора и художественнымъ стилемъ скульптуръ собора въ Юрьевѣ-Польскомъ.

Основною чертою Суздальскихъ храмовъ является ихъ *византійскій* планъ; зданіе храма четырехугольной, почти квадратной формы, съ примкнутыми къ нему снаружи на восточной сторонѣ тремя полукружїями алтарныхъ абсидъ. Четыре

внутренних массивных столба, соединенные арками между собою, а также со стѣнами въ мѣстахъ противустоящихъ пилястровъ, составляютъ все внутреннее расчлененіе: въ этихъ церквахъ нѣтъ внутренняго нартѣкса, а часто и внѣшняго притвора, и потому все внутреннее пространство образуетъ равноконечный крестъ, вписанный внутри квадрата. Надъ перекрестьемъ, выше пояса арокъ и парусовъ, выведенъ круглый барабанъ, сильно приподнятый и покрытый вверху куполомъ, т. е. полусферическимъ сводомъ; рукава креста покрыты коробовыми сводами, также, какъ и угловыя части храма; но въ большихъ церквахъ эти части покрываются повышенными верхами или барабанами. Какъ внутри церкви, такъ и соотвѣтственно снаружи, стѣны расчленяются пилястрами на четыре части; онѣ соединены также аркадами, которыя отвѣчаютъ внутреннимъ сводамъ; этими пилястрами и аркадами, въ видѣ тонкихъ полуколонокъ, заканчивается кладка стѣнъ, а крыши кладутся прямо по сводамъ, безъ всякихъ карнизовъ или фронтонныхъ покрытій, и образуютъ византійскія *комары* или *кокошники*.

30. Деньга Влад. Андр. Храбраго (1358—1410).

Три абсиды покрывались полусферическими сводами и крышами, плотно подходящими къ обрѣзамъ арокъ, составляющихъ верхъ восточной стѣны. Все это составляетъ принадлежность византійской архитектуры или ея вѣтвей югославянскихъ, грузинской, армянской и пр. Равно и расширенныя церкви, или соборы Суздальскій, Владимірскій, исполнялись по тому-же плану, за тѣмъ исключеніемъ, что имѣли въ основаніи видъ удлиненнаго четырехугольника, а не квадрата, благодаря притвору въ западной части, иногда боковому придѣлу, почему съ восточной стороны являются уже не три, а четыре полукружія, и внутри не четыре, а шесть столбовъ; соотвѣтственно этому, соборы имѣютъ не одинъ, но пять куполовъ.

На этой византійской основѣ, повторенной безчисленными каменными храмами христіанскаго Востока, XII столѣтіе внесло, подъ влияніемъ западной базиличной архитектуры, нѣкоторыя новшества, почти исключительно сосредоточившіяся въ области декоративной, а именно: 1) *наружные пояса*, въ видѣ обрѣзовъ стѣны, прикрытыхъ отливами, снизу зубчиками, или же рядами арочекъ на полуколонкахъ, оканчивающихся консолями, чаще всего фигурными; эти аркады идутъ поясомъ вокругъ всѣхъ трехъ стѣнъ, кромѣ восточныхъ абсидъ, а иногда (въ Юрьевѣ Польскомъ) устраиваются въ верхней части стѣнъ, подъ крышею, почему обходятъ и восточную стѣну, и 2) *порталы*, въ наиболѣе бѣдной, или неразвитой формѣ: полуциркульной двери, обведенной нѣсколькими архивольтами или тягами, опирающимися на полуколонки въ числѣ отъ трехъ до пяти, и устраиваемой посреди западной, сѣверной и южной стѣнъ храма. Сюда-же относятся и нѣкоторыя детальныя украшенія, напр. алтарныхъ полукружій поперемѣнно длинными и укороченными *полуколонками*, сомкнутыми въ арочки подъ карнизомъ, орнаментация узкихъ и высокихъ оконъ колонками (въ Суздаль) и рѣзными шаблонами, украшеніе карнизовъ на трибунахъ и наконецъ самыхъ стѣнъ прилѣпами.

31. Деньга Андр. Дмитр. Можайскаго (1389—1432).

Простѣйшая постройка этого рода является и первой по времени: это — церковь Переяславля Залѣскаго во имя Спаса (рис. 32), построенной между 1152 и 1157 годовъ: здѣсь порталы безъ колоннъ, выполнены уступами; зубчатые карнизы устроены только на трибунѣ или барабанѣ и на алтарныхъ выступахъ. Но именно простота всѣхъ украшеній, благородство пропорцій придаютъ этой

32. Преображенскій соборъ г. Переяславля Залѣскаго, 1152 г.

церкви своеобразную, строгую красоту: особенно характерны узкія окна, съ глубокими арками, напоминающими крѣпостныя бойницы. Въ соборѣ, на сводахъ, подъ хорами были открыты древнія фрески, съ изображеніемъ Апостоловъ на Страшномъ Судѣ, и другія, дополняемая схожими, лучше сохранными росписями.

Успенскій соборъ въ Звенигородѣ подобенъ этому храму и по декоративному расчлененію стѣнъ, и по новому суздальскому типу поясовъ и порталовъ.